

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-402-417

**Концепт *СИБИРЬ*
в творчестве Дмитрия Александровича Пригова**

Татьяна Александровна Богумил

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
tbogumil@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация

Статья посвящена выявлению и описанию сибирского текста в творчестве Дмитрия Александровича Пригова, что ранее не становилось предметом внимания исследователей. В «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» Сибирь является локусом смертельных испытаний. Дмитрий Александрович Пригов демонстрирует превращение тела в текст, а человека в знак. Аналог подобной текстопорождающей стратегии обнаруживается в традиционалистской культуре. «Повесть...» строится по средневековому житийному канону. Наложение древнерусской и соцреалистической поэтики в пределах одного произведения превращает Сибирь в текст-палимпсест. В «Открытом письме (к моим современникам, соратникам и ко всем моим)» (1984) средневековые и советские «агиографии» перемежаются в вымышленных историях о соратниках Дмитрия Александровича Пригова. Житие приговского «я» проецируется на множество контекстов, один из которых подобен негативному сибирскому опыту протопопа Аввакума. Иной модус задается в жизнеописании А. Монастырского, где Алтай моделируется как идиллический хронотоп. Двойничество прото-Москвы, Урала, Русского Севера, Калмыкии, Тунгусии, Средиземного моря и Алтая есть частное проявление характерного для концептуалиста приема тавтологического нанизывания подобных объектов. Дифференциация пространственных объектов оказывается нивелированной их семантическим тож-

© Богумил Т. А., 2021

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 402–417

Critique and Semiotics, 2021, no. 2, pp. 402–417

деством. Частное с легкостью оборачивается другим частным, так как является одной из форм всеобщего.

Ключевые слова

концептуализм, сибирский текст, Алтай, локус, геопэтика

Для цитирования

Богумил Т. А. Концепт СИБИРЬ в творчестве Дмитрия Александровича Пригова // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 402–417. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-402-417

Concept *SIBERIA* in the Work of Dmitry A. Prigov

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation
tbogumil@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract

The article is devoted to the identification and description of the Siberian text in the work of Dmitry A. Prigov. Until now, it has not become the subject of attention of researchers. The research methodology is based on the tradition of local texts studying by representatives of the Tartu-Moscow semiotic school, geocultural and geoethical approaches. In “The Tale of the Three-fold Hero of the Soviet Union Alekseev” Siberia is the locus of mortal trials. Prigov demonstrates the transformation of the body into a text, and a person into a sign. The conceptualist discovers an analogue of a similar text-generating strategy in traditionalist culture. The “Tale...” is constructed in the same way as the medieval canon of life. The imposition of Old Russian and Socialist-realist poetics within the framework of one work turns Siberia into a palimpsest. In the “Open Letter (to my contemporaries, comrades-in-arms, and to all mine)” (1984), medieval and Soviet “hagiographies” alternate in fictional stories about Prigov’s comrades-in-arms. The life of the sentencing “I” is projected into many contexts, one of which is similar to the negative Siberian experience of Protopope Avvakum. Another modus is set in the biography of A. Monastyrsky, where Altai is modeled as an idyllic chronotope. The duality of proto-Moscow, the Urals, the Russian North, Kalmykia, Tungusia, the Mediterranean Sea and Altai is a particular manifestation of the tautological stringing of such objects characteristic of the conceptualist. The differentiation of space objects is leveled by their semantic identity. The quotient easily turns into another quotation, as it is a form of universal.

Keywords

conceptualism, Siberian text, Altai, locus, geopoethics

For citation

Bogumil T. A. Concept *SIBERIA* in the Work of Dmitry A. Prigov. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 402–417. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-402-417

Сибирский текст русской литературы на протяжении последних двух десятилетий находится в сфере актуальных научных интересов филологов. Пионерской работой по данной проблематике стала статья В. И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о “сибирском тексте” русской литературы» [2002]. В ней развивались идеи Ю. М. Лотмана о сложившемся в русской классике образе Сибири как пространстве (символической) смерти и о связанном с этим локусом мотивном комплексе: «преступление (подлинное или мнимое) – ссылка в Сибирь – воскресение» [Лотман, 1997б, с. 723–725]. Согласно концепции В. И. Тюпы, Сибирь – это «лиминальный (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [Тюпа, 2002, с. 28]; отправным текстом для сюжета инициации Сибирью / в Сибири является «Житие» протопопа Аввакума (XVII в.), а следующий исторический прецедент – ссылка декабристов – способствовал территориальному закреплению сюжета; присутствие данной мифологемы во внушительном корпусе литературных произведений, собственно, и дает основание выделять сибирский текст в русской литературе [Тюпа, 2002]. Любой локальный текст бытует как сверткестовое единство – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию (здесь – Сибирь. – Т. Б.), образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис, 2003]. Цель настоящей статьи – выявить и описать индивидуально-авторские модуляции сибирского текста в творчестве Дмитрия Александровича Пригова, что до настоящего момента не становилось предметом внимания исследователей.

Методология и методы исследования опираются на традицию изучения локальных текстов, начало которой положили труды представителей тартуско-московской семиотической школы (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман и др.). Учитывается опыт приверженцев геокультурного (О. А. Лавренова, Д. Н. Замятин и др.) и геопозитического (В. В. Абашев) подходов к осмыслению ментальной географии России.

Тема Сибири в творчестве Пригова периферийна, как и само это пространство в его биографии. Локус и слово «Сибирь» возникают в «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве». Только слово – в сти-

хотворении «Охота на слонов в Западной Сибири». В «Открытом письме (к моим современникам, соратникам и ко всем моим)» (1984) сибирский текст маркирован упоминанием Тунгусии, мотивами из «Жития...» протопопа Аввакума и мистифицирующей «агиографией» А. Монастырского, «который провел все детство и юность в диких лесах Алтая»¹. В стихотворении «Широка страна моя родная» дан перечень сибирских рек. Как видим, количество упоминаний о Сибири и ее реалиях ничтожно. Тем весомее роль данного региона, осмысляемого русской культурой начиная с XVII в., в конструируемой автором картине мира.

Концептуализм, как известно, был особо чуток к контексту функционирования произведения искусства. Вс. Некрасов называл направление «контекстуализмом» (цит. по: [Курицын, 2001, с. 92]), а Т. Кибиров формулировал творческое кредо так: «Если ты еще не в курсе, / я скажу тебе читатель: / все зависит от контекста <...> / вне контекста, к сожалению, / не бывает ничего!»² («В творческой лаборатории», 1998). Сам Пригов писал о том, что единственным критерием художественности является «жест назначения», т. е. «помещение в определенный контекст и считывание его (текста. – Т. Б.) соответствующей культурной оптикой» (цит. по: [Липовецкий, Кукулин, 2014, с. 83]). Признавая право писателя быть судимым «по законам им самим над собою признанным»³, рассмотрим знаки сибирского текста в контексте соцреалистической культуры и контексте культуры древнерусской, на которую недвусмысленно намекает автор.

Соцреалистический контекст

В «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» объединяются и утрируются героические сюжеты о своего рода «мифических персонажах» [Курицын, 2001, с. 101] нашей истории:

- о Рахматове, идеальном герое-революционере романа Н. Чернышевского «Что делать?» (1863), чья биография соотносится с житийным канонам Алексия, человека Божьего [Clark, 1981, pp. 48–51];

¹ Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М.: НЛО, 1997. 285 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prigov4-6.html>. Здесь и далее за исключением отдельно оговоренных случаев цитаты приводятся по этому источнику.

² Кибиров Т. Стихи. М.: Время, 2005. С. 377.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 10: Письма. С. 121.

- о П. Корчагине, герое частично автобиографического романа Н. Островского «Как закалялась сталь» (1934) (глава 4);
- об А. Маресьеве, прототипе А. Мересьева, героя «Повести о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого (глава 4);
- о панфиловцах, подвиг которых впервые был воспет в статье А. Кривицкого «Завещание 28 павших героев» (1941) (глава 5);
- о прототипах берлинского памятника «Воину-освободителю» (1949) (глава 6, 8);
- об А. Матросове, чей подвиг впервые осветил в печати М. Бубеннов в 1944 г. (глава 7);
- о В. Чапаеве, чья фраза «Врешь, не возьмешь» из одноименного фильма 1934 г. стала рефреном текста Пригова.

Все эти культовые персонажи советской культуры являлись символами мужества, бесстрашия, самоотверженной любви к родине. В тексте концептуалиста сюжеты о разных героях контаминируются в один сюжет об идеальном советском солдате с распространенной русской фамилией⁴, семантика которой – «защитник» – обнажает инвариантную функцию его подвигов.

Пригов вскрывает ритуальный и формульный характер соцреалистического текста, его установку на положительного героя [Clark, 1981, p. 10–11], обнажает мотив жертвы и насилия как условие проявления героического [Добренко, 2007, с. 310–311]. Сибирь в этом контексте ожидаемо является топосом трансформации человека. Москвич Алексеев было «поддался вредным сторонним влияниям», поэтому родители в исправительных целях собираются его женить, т. е. подвергнуть современному реликту обряда перехода. Прочитанная в день свадьбы статья Ленина о голоде в Сибири запускает процесс преображения героя: жених, «не заходя в брачную комнату», отправляется из столицы в Сибирь – пространство смертельных испытаний. Описание первого, иницирующего, подвига Алексеева состоит из пародийно нагнетаемых штампов: «В лютый мороз, без сапог, без лопаты, голыми руками рыл он землю и отбивался от бандитов. Но однажды всех перебили, только ему удалось бежать. 10 суток полз он по тайге, питаясь кусочками, которые откусывал от своего ремня. Подобрали его сочувствующие Советам нанайцы. Отмороженные ноги пришлось ампутировать». Ассоциация Сибири с холодом в языке и культуре является оче-

⁴ В Списке Героев Советского Союза насчитывается 25 Алексеевых. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Героев_Советского_Союза_\(Азаров_–_Алиев\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Героев_Советского_Союза_(Азаров_–_Алиев)).

видной, хотя и не всегда реально обусловленной [Анисимов, 2009]. То обстоятельство, что Алексеев добрался в Сибирь на поезде, а «самое трудное место», куда его направляют – узкоколейка, актуализирует в сибирском тексте Пригова магистральный мотивный комплекс, связанный с железной дорогой. С легкой руки К. Маркса («Революции – локомотивы истории»), железная дорога в советской культуре стала тиражированной метафорой революционного пути, основой социалистического хозяйства [Савицкий, 2011, с. 39; Непомнящих, 2012, с. 101]. Понятно, что узкоколейка здесь – образ становящегося социализма (ср. строительство узкоколейки Павлом Корчагиным). В «дикий» Сибири герой, так сказать, «обнуляется», возвращается в состояние Адама, Нового человека. Ему приходится космизировать природу без применения достижений цивилизации, нагим и босым, используя изначальное орудие труда человека – руки, попутно отражая нападки несознательной человеческой стихии – бандитов. Как видим, Пригов утрирует типичный сибирский и северный сюжет революционного романа-эпопеи 1920–1950-х гг. [Рыбальченко, 2004; Hansen-Magnusson, 2019].

Финальным этапом инициации становится трансформация тела Алексеева – замена ног протезами. Тело в культуре соцреализма подвергается семиотизации. Монструозность, телесная ущербность зачастую является гарантом внутреннего совершенства, свидетельством героического амплуа персонажа [Куляпин, Скубач, 2013, с. 82–95]. Из Сибири начинается триумфальный путь преображенного героя на Запад. В Берлине он посмертно канонизируется и окончательно «бронзовеет» в статуе богатыря-защитника. (Известно, что в эскизе памятника «Воину-освободителю» Е. В. Вучетича планировался автомат, но по предложению Сталина он был заменен более символичным мечом⁵). Статуя воплощает коллективное бессознательное народных масс, идеал советского человека. (Ср. с идеей S. Buck-Morss в пересказе S. Gandesha: “The statue of Lenin atop the Palace of the Soviets and King Kong atop the Empire State Building both symbolize the masses themselves” [Gandesha, 2006, p. 438]). Пригов демонстрирует превращение тела в текст, а человека – в знак, в «вещь идеологии» [Гусейнов, 2005, с. 176].

⁵ Костюнин О. В. Человек из легенды // Сов. Россия. 2005. № 60–61 (12679), 30 апр. URL: http://www.sovross.ru/old/2005/60/60_3_3.htm

Древнерусский контекст

Сказовый характер «Повести...» позволяет говорить о совмещении авторской ироничной точки зрения с уважительно-восхищенным взглядом «исполнителя». Ирония Пригова далека от глумления и распространяется не на героизм советских людей, а на процесс идеологической мифологизации, на технику превращения реальной личности в культовую. Концептуалист обнаруживает аналог подобной текстопорождающей стратегии в нормативной, традиционалистской культуре [Аверинцев и др., 1994] – фольклоре и древнерусской словесности. «Повесть...» строится по житийному канону: сперва говорится о затрудненном рождении от благочестивых родителей («членах партии»); затем о детстве и «отпадении» героя от праведного пути («стал вести рассеянный образ жизни»); потом отказ от брака вследствие слова-божественного откровения (статья Ленина); уход в «пустынь» и борьба с бесами (эпизод в Сибири); преисполненная подвигами и чудесами жизнь («дивились врачи»); благочестивая смерть («он был уже мертв, но лицо его светилось»); похвала и канонизация.

Художественная интуиция Пригова подкрепляется мнением Катерины Кларк, специалиста по советской культуре: «One can compare the portrait of the Socialist Realist hero and that of his counterpart in medieval texts not just in function and genre but <...> even in terms of the actual clichés used to characterize them» [Clark, 1981, p. 47]. Кларк справедливо фиксирует и регрессию индивидуального авторства в сторону коллективного все-авторства: «After 1932 (at least) the Stalinist writer was no longer the creator of original texts; he became the teller of tales already prefigured in Party lore» [Ibid., p. 159]. Тем самым идеальный *homo soveticus* – и «сказитель», и герой – моделируется по средневековым образцам, что деконструирует в своей «Повести...» Пригов.

Если в древнерусской культуре географическое пространство обладало религиозно-моральным значением (земля праведная / грешная) [Лотман, 1997а, с. 112], то в соцреалистическом романе знаковость сохраняется, но в иной координатной сетке – социально-политической. Путешествие в обеих художественных системах наделено нравственным смыслом, «увеличивает святость человека» средневекового [Там же, с. 113], идейность – советского. Периферийная по отношению к столице Сибирь в этом контексте совмещает полярные характеристики. С одной стороны, это пространство малоосвоенное, чуждое, нечистое, подлежащее социалистическому преобразованию (ср. апостольская роль Ермака в Есиповской летописи XVII в.

[Чмыхало, 2001, с. 108–110; Ромодановская, 2002, с. 97]). С другой стороны, Сибирь сама преобразовывает героя, создает условия для трансмутации, оказывается более созидательной для выработки «советскости», тогда как локус достигнутого идеала, Москва, напротив, способствовал развращению юноши. Для соцреалистической культуры характерен не пафос обладания достигнутым, а романтический пафос пути, сражения, сопротивления обстоятельствам. Подобно сказке и былине типичный хронотоп борьбы – не центр, а периферия, пограничное пространство. Движение персонажа изоморфно ходу маятника, где ось проходит по Москве: отталкивание на Восток, откуда, набрав ускорение и стремительно минуя осевое пространство, герой устремляется на Запад и статуйно замирает в крайней точке. Алексеев не только достиг высшей формы советской святости, но и освятил путем праведника пройденные земли, приобщил «своей» культуре дальние рубежи родины.

Итак, Сибирь Пригова оппозиционна Москве (центр – периферия) и Берлину (Восток – Запад), является лиминарным хронотопом инициации. Наложение древнерусской и соцреалистической поэтики в пределах одного произведения превращает Сибирь в текст-палимпсест.

Алтай

Несмотря на то, что в основной массе соцреалистический роман, по мнению Кларк, ориентирован не на житийную, а на летописную модель (“His image is reminiscent not just of hagiography, which tells of a saint’s religious virtue as illumined in his life, but also of those sections of the old chronicles that tell of the secular virtues of princes, of the feudal sense of honor, duty, valor, and service to one’s country” [Clark, 1981, p. 47]), для Пригова жанр жития оказывается предпочтительней. Об этом автор в свойственной ему ёрнической автометаописательной манере сообщает в «Открытом письме...»: «новая агиография – вот что мерещится мне как истинный ответ на зов истории». Средневековые и советские «агиографии» перемежаются в вымышленных историях о соратниках Пригова, образуя единый в своем историко-культурном многообразии сверхтекст об избранных. «Онтологика» Пригова, т. е. «лад бытия, где может случиться что угодно» [Смирнов, 2010, с. 105] формирует вероятностную картину мира с полисубъектным «я», а также «ты» и «он».

Житие приговского субъекта высказывания проецируется на множество контекстов, один из которых подобен сибирскому опыту протопопа Аввакума: «...сидел я в ледяном мешке, который сгубил мое юношеское

цветенье и последующее здоровье по злой воле и бесовской злобе проклятого Никона». Отец Рубинштейна якобы «был легендарным командармом славной конницы и первым занес азбуку и алфавит в дикие тогда еще края <...> Тунгусии». В этих фрагментах представлены традиционные характеристики Сибири как пространства смертельного, испытующего и подлежащего окультуриванию.

Иной модус задается в жизнеописании Андрея Монастырского, «который провел все детство и юность в диких лесах Алтая, воспитываемый медведицей и вскармливаемый молоком горного орла». Птичье молоко – священный чистый небесный напиток, дарующий бессмертие, в то же время означает нечто невозможное, утопическое⁶. Известно также, что жители Аркадии почитали себя потомками медведя⁷. Сакральность медведицы, орла, молока подчеркнута тем, что все эти образы имеют небесный аналог в виде Большой и Малой медведицы, Орла, Млечного пути. Тем самым «дикость» Алтая не есть то, что подлежит исправлению, но признак идиллического хронотопа. В русской культуре Алтай концептуализируется в виде спасительного пространства, где локализовано Беловодье, Шамбала, Центр Мира, иные формы земного рая.

Алтай вписан в контекст рассуждений о разнообразной «святости» (житийной и советской) соратников Пригова, проявляющейся в различных пространствах: Урал, Поморье, Калмыкия и Тунгусия, Средиземный «океан». Подобно тому, как единый в разных ликах и судьбах говорящий субъект эквивалентен своим «другам», «сородичам», «соплеменникам», уникальные локусы объединены общим статусом сакрального пространства, хронотопа подвига.

Орел и медведь в ипостаси «царя» мира птиц / зверей часто сопрягались в мифологии и в последующей культурной традиции (особенно в геральдике). И орел, и медведь являются символами России, ее Западного и Восточного начала [Хрусталева, 2011]. В произведениях Пригова они встречаются не только как насельники Алтая-Эдема, но и в московском локусе. В цикле «Москва и москвичи» (1982) нападение орла есть аллегория наполеоновского нашествия. Медведица же присутствует иносказательно. В фантазии о Москве тех времен, когда она «...была еще волчи-

⁶ Русская фразеология: ист.-этимол. словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель, 2005. 926 с.

⁷ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. М.: Сов. энциклопедия, 1998. С. 130.

цей / И бегала лесами Подмосковья», по мнению Е. Добренко, иронически переосмысливаются строки из поэмы Н. Кончаловской «Наша древняя столица» (1948): «...там, где столько крыш вдали, / Огромный лес стоял когда-то, / <...> / И рев медведицы в берлоге...» (цит. по: [Добренко, 2010, с. 383]). «Это было время отсутствия Москвы, время девственной дикости» [Добренко, 2010, с. 383], – комментирует интертекстуальную перекличку исследователь. Добавим, что подобно медведице в мифологизированной биографии Монастырского, Москва-волчица выступает как зооморфный первопредок. (Интересно, кстати, с точки зрения типологических совпадений, что в скальдической поэзии «пчелиный волк» – это метафорическое обозначение медведя). Воинственный орел Наполеона в московском тексте Пригова не имеет ничего общего с алтайским орлом. Разве что Борис Орлов, чье имя упоминается в начале и конце цикла, «закольцовывая» его, привносит в образ орла семантику дружественности и единства судьбы.

Итак, системные совпадения (дикость, орел, медведица / волчица) позволяют установить отношения эквивалентности алтайского локуса и доисторической, потенциальной Москвы (= России). Хотя Пригов совершенно не вкладывал историософские идеи в образ Алтая, но в общерусском сибирском тексте именно с Алтаем часто связываются идеи возрождения страны, возобновления человеческой истории после конца мира. В этом контексте совсем иначе звучат финальные слова цикла: «Где мы поставим – там и есть Москва!»⁸.

Двойничество прото-Москвы, Урала, Русского Севера, Калмыкии, Тунгусии, Средиземного моря и Алтая является частным проявлением характерного для концептуалиста приема тавтологического нанизывания одноприродных объектов. В приговском «переводе» знаменитой «Песни о родине» (1936) В. Лебедева-Кумача – стихотворении «Широка страна моя родная...» – каждая строка претекста дополняется внушительными по объему вставками, парадигматическими перечислениями, «варьирующими главную тему строки» [Шапир, 2000, с. 126]. В частности, вариантами инвариантной темы «широты» привольной реки-жизни является следующий реестр: «...широка / Словно Волга, Дон, Днепр, Днестр, Лена, Кама, Ока, Индигирка, Нева, Москва-река, Терек, Заравшан, Кура, Ангара, Сев. Двина, Нижняя и Верхняя Тунгуски, Обь, Иртыш, Витим, Алехма, Алдан, Истра, Нерль, Амур, Байкал, Гильменд, Амударья, Сырдарья и др. / течет»

⁸ Пригов Д. А. Советские тексты, 1979–84. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 1997. С. 192.

(цит. по: [Шапир, 2000, с. 134–135]). Указанные реки, в числе которых и несколько сибирских, оказываются своего рода синонимами, серией эквивалентов. В протеическом художественном мире Пригова номинации безреферентны, «здесь совершенно исчезают идентичности»⁹ [Ямпольский, 2014, с. 7], множественность подчинена единству. Радикальная детализация приводит к рассеиванию объекта и субъекта речи: “Prigov chooses the approach of meticulous specification, the way of affirmative radicalism which takes into account the position of the author’s self-removal” [Glanc, 2018, p. 153]. Гипертрофированная детализация сопровождается универсализмом, возникает эффект удаленного созерцания, подобного гипнотическому или под анестезией: “...a kind of removed contemplation recalling hypnosis or anesthesia” [Ibid.].

Завершая анализ Сибирского текста в творчестве Пригова, следует отметить, что, во-первых, автор манипулирует традиционным концептом Сибири как лиминарном локусе, хронотопе инициационного испытания, где Алтай, напротив, концентрирует идиллические смыслы. Во-вторых, специфика приговской картины мира состоит в ее «мерцательности», потере идентичности объектов и субъектов. В историческом векторе Сибирь, как и другие локусы, оказывается палимпсестом, совмещает в себе временные пласты. Перечислительная техника письма приводит к тому, что в географическом ракурсе дифференциация пространственных объектов оказывается нивелированной их семантическим тождеством. Автор, художественный мир, текст живут по принципу метаморфозы. Частное с легкостью оборачивается другим частным, так как является лишь одной из форм всеобщего.

Список литературы

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

Анисимов К. В. Климат как «закоснелый сепаратист»: символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 98–114.

⁹ Впрочем, существует мнение об уникальности каждого мнимого повторения в тексте Пригова [Edmond, 2014].

Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М.: ОГИ, 2005. 214 с.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: НЛЮ, 2007. 592 с.

Добренко Е. «Прийти к женщине и лечь к ней в постель в мундире»: Пригов и Михалкова-Кончаловская // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) / Под ред. Е. Добренко и др. М.: НЛЮ, 2010. С. 358–404.

Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.

Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. 288 с.

Липовецкий М., Кукулин И. Теоретические идеи Д. А. Пригова // Пригов и концептуализм. М.: НЛЮ, 2014. С. 81–103.

Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997а. С. 112–117.

Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997б. С. 712–729.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5> (дата обращения 17.06.2020).

Непомнящих Н. А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике // Сюжетно-мотивные комплексы русской культуры / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 92–106.

Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 390 с.

Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / Науч. ред. И. И. Плеханова. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/.

Савицкий С. «Железная дорога» как метафора в советской культуре 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17 (79). С. 38–46.

Смирнов И. П. Быт и бытие в стихотворениях Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) / Под ред. Е. Добренко и др. М.: НЛЮ, 2010. С. 96–105.

Тюна В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Хрусталева Д. Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 137–152.

Чмыхало Б. А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Краснояр. гос. пед. ун-та. 2001. Вып. 2, т. 1. С. 107–116.

Шанир М. И. О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) // Philologica. 2000. Т. 6. С. 117–142.

Ямпольский М. Время метаморфозы (как тексты Пригова избегают устойчивой модальности) // Пригов и концептуализм. М.: НЛЮ, 2014. С. 7–39.

Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1981. 293 p.

Edmond J. Dmitry Prigov's Iterative Poetics // Russian Literature. 2014. Vol. 76, iss. 3. P. 275–308.

Gandeshia S. The Contraction of Mass Utopia // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9, no. 3. P. 434–440.

Glanc T. The Lord of Self-Removal // Janecek G. (ed.). Staging the Image: Dmitry Prigov as Artist and Writer. Bloomington: Slavica Publishers Indiana University, 2018. P. 145–179.

Hansen-Magnusson H. Arctic Geopoetics: Russian Politics at the North Pole // Cooperation and Conflict. 2019. Vol. 54, no. 4. P. 466–487.

References

Anisimov K. V. Klimat kak “zakosnelyy separatist”: simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo moroza [Climate as an “Inveterate Separatist”: Symbolic and Political Metamorphoses of the Siberian Frost]. *New Literary Review*, 2009, no. 99, pp. 98–114. (in Russ.)

Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhaylov A. V. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Categories of poetics in the change of literary eras]. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness]. Moscow, 1994, pp. 3–38. (in Russ.)

Chmykhalo B. A. Khudozhestvennoe prostranstvo v sibirskom letopisanii XVII veka [Art space in the Siberian annals of the 17th century]. *Scientific Yearbook of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2001, iss. 2, vol. 1, pp. 107–116. (in Russ.)

Clark K. *The Soviet Novel. History as Ritual*. Chicago, London, 1981, 293 p.

Dobrenko E. “Priyti k zhenshchine i lech’ k ney v postel’ v mundire”: Prigov i Mikhalkova-Konchalovskaya [“Come to a woman and go to her bed in uniform”: Prigov and Mikhalkova-Konchalovskaya]. In: Dobrenko E. (ed.) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007)* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007)]. Moscow, 2010, pp. 358–404. (in Russ.)

Dobrenko E. *Politekonomiya sotsrealizma* [Political Economy of Socialist Realism]. Moscow, 2007, 592 p. (in Russ.)

Edmond J. Dmitry Prigov’s Iterative Poetics. *Russian Literature*, 2014, vol. 76, iss. 3, pp. 275–308. (in Russ.)

Gandesha S. The Constriction of Mass Utopia. *European Journal of Social Theory*, 2006, vol. 9, no. 3, pp. 434–440.

Glanc T. The Lord of Self-Removal. In: Janecek G. (ed.). *Staging the Image: Dmitry Prigov as Artist and Writer*. Bloomington, 2018, pp. 145–179.

Guseynov G. Ch. Karta nashey rodiny: ideologema mezhdu slovom i telom [Map of our homeland: an ideology between the word and the body]. Moscow, 2005, 214 p. (in Russ.)

Hansen-Magnusson H. Arctic Geopoetics: Russian Politics at the North Pole. *Cooperation and Conflict*, 2019, vol. 54, no. 4, pp. 466–487.

Khrustalev D. Proiskhozhdenie “russkogo medvedya” [The origin of the “Russian bear”]. *New Literary Review*, 2011, no. 1 (107), pp. 137–152. (in Russ.)

Kulyapin A. I., Skubach O. A. Mifologiya sovetskoy povsednevnosti v literature i kul’ture stalinskoy epokhi [The mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era]. Moscow, 2013, 240 p. (in Russ.)

Kuritsyn V. *Russkiy literaturnyy postmodernizm* [Russian literary postmodernism]. Moscow, 2001, 288 p. (in Russ.)

Lipovetsky M., Kukulini I. Teoreticheskie idei D. A. Prigova [Theoretical ideas of D. A. Prigov]. In: *Prigov i kontseptualizm* [Prigov and conceptualism]. Moscow, 2014, pp. 81–103. (in Russ.)

Lotman Yu. M. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the concept of geographic space in Russian medieval texts]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg, 1997, pp. 112–117. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plot space of the Russian novel of the 19th century]. In: Lotman Yu. M.

O russkoy literature [About Russian literature]. St. Petersburg, 1997, pp. 712–729. (in Russ.)

Mednis N. E. Sverkhsteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, 2003. (in Russ.) URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5> (accessed 17.06.2020).

Nepomnyashchikh N. A. Zheleznaya doroga kak kompleks motivov v russkoy lirike i epike [Railway as a complex of motives in Russian lyrics and epics]. In: Romodanovskaya E. K. (ed.) Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy kul'tury [Story-motive complexes of Russian culture]. Novosibirsk, 2012, pp. 92–106. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Sibir' i literature. XVII vek [Siberia and literature. 17th century]. Novosibirsk, 2002, 390 p. (in Russ.)

Rybalchenko T. L. Mifologemy obraza Sibiri v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka [Mythologies of the image of Siberia in Russian prose of the second half of the 20th century]. In: Plekhanova I. I. (ed.) Sibir': vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva [Siberia: a look from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space]. Irkutsk, 2004. (in Russ.) URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (accessed 17.06.2020).

Savitsky S. “Zheleznaya doroga” kak metafora v sovetskoy kul'ture 1920–1930-kh gg. [“Railway” as a metaphor in Soviet culture of the 1920–1930s]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies*, 2011, no. 17 (79), pp. 38–46. (in Russ.)

Shapir M. I. O predelakh dliny stikha v verlibre (D. A. Prigov i drugie) [On the limits of the length of a verse in a verlibre (D. A. Prigov and others)]. *Philologica*, 2000, vol. 6, pp. 117–142. (in Russ.)

Smirnov I. P. Byt i bytie v stikhotvoreniyakh D. A. Prigova [Life and being in the poems of D. A. Prigov]. In: Dobrenko E. (ed.) Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007) [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007)]. Moscow, 2010, pp. 96–105. (in Russ.)

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The mythology of Siberia: on the issue of the “Siberian text” of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*, 2002, no. 1, pp. 27–35. (in Russ.)

Yampolsky M. Vremya metamorfozy (kak teksty Prigova izbegayut ustoychivoy modal'nosti) [Time of metamorphosis (as Prigov's texts avoid a steady modality)]. In: Prigov i kontseptualizm [Prigov and conceptualism]. Moscow, 2014, pp. 7–39. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент
Scopus ID 57217034302

Information about the Author

Tatiana A. Bogumil, Candidate of Philology, Associate Professor
Scopus ID 57217034302

*Статья поступила в редакцию 10.03.2021; одобрена после рецензирования
12.04.2021; принята к публикации 15.07.2021
The article was submitted 10.03.2021; approved after reviewing 12.04.2021;
accepted for publication 15.07.2021*